

Борис
Васильев

ЗАВТРА БЫЛА
ВОЙНА

Неопалимая Купина

Суд да дело

и другие рассказы
о войне и победе

Б. Васильев

Борис Львович Васильев
Победители

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=418472

Завтра была война. Повести и рассказы: АСТ; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-063440-8, 978-5-271-26017-9

Содержание

Странная фамилия	4
Отец	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Борис Васильев

Победители

Странная фамилия

1

Вскоре после войны отец вышел в отставку и получил надел в генеральском дачном поселке неподалеку от Москвы. Наделом оказался гектар сплошного леса, в основном елового, но с добавкой матерых сосен. На участке не то что шалаш – ногу поставить было некуда, даже если вырубить начисто весь подлесок. Начинать приходилось с корчевки, а я еще служил далеко от Москвы. Одному отцу с учетом его последнего, четвертого по счету, фронтового ранения это было явно не по силам. Я уповал на своих друзей, но они тоже работали и помочь отцу могли только по воскресным дням. Кое-что вырубил, огород вскопали, колодец вырыли, забором участок огородили.

И тут, на великое счастье, отцовские сослуживцы, оставшиеся после войны в Германии, прислали то ли немецкий, то ли американский мини-трактор с набором всяческих навесных приспособлений. Отец любил технику, быстро осво-

ил этот подарок и приловчился корчевать лес в одиночку.

Пишу об этом потому лишь, что когда я наконец-то уволился из армии и вернулся в Москву, отцовский участок выглядел образцово. Стоял домишко с двумя огромными верандами, был посажен сад, вырыт пруд, вскопан огород, но значительный кусок леса так и остался нетронутым. Я в нем даже грибы собирал.

А вот напротив, через дорогу от отцовского участка, никаких дач не было, стоял дремучий лес, который местные власти держали про запас. Я любил в нем гулять. Искал грибы, собирал сухостой на дрова или какие-нибудь забавные коряги.

Я оказался на даче в тот день, когда неподалеку от наших ворот остановилась легковая машина местной администрации. Из нее вылезли два чиновника, приветственно помахавшие нам, и какая-то женщина. Я помогал отцу достраивать большую веранду, когда он сказал:

– Преподнеси даме хороший букет.

Я соорудил что-то вроде цветущего веника, отнес женщине, приехавшей вместе с местными чиновниками. Она мило улыбнулась, что-то сказала...

Что-то сказала... Эх, если бы я запомнил, что она тогда сказала...

Вскоре мне пришлось отправиться в командировку, затем оказались еще какие-то срочные дела, и я вновь навестил отца только через месяц. Он сообщил, что местная админи-

страция в порядке исключения выделила участок какому-то Герою Советского Союза прямо напротив нас, через дорогу. Но этот герой что-то до сей поры не появлялся.

А на следующий день возле наших ворот затормозила «Волга». Из нее вышли моложавый, подтянутый и очень стройный подполковник в полной форме со всеми орденскими колодками, над которыми поблескивала Золотая Звезда Героя Советского Союза, следом – женщина, которой я месяц назад преподносил цветочный веник.

А отец был в щедро усеянной опилками ситцевой рубашке с закатанными по локоть рукавами, выгоревшей на солнце полотняной фуражке и в потертых унтах, поскольку у него постоянно ныли застуженные еще в Гражданскую войну ноги. Но, поправив фуражку, он тут же пошел навстречу уже входившему гостю. А гость при его приближении вскинул руку к козырьку и громко, по всей форме доложил:

– Разрешите представиться, товарищ генерал-лейтенант. Ваш новый сосед, Журфиксов Павел Петрович.

– Андреев Сергей Петрович, – отец протянул руку. – Очень рад и новому соседу, и новому знакомству. Алексей (это – ко мне), накрывай на стол.

– Если позволите, я с удовольствием помогу, – вызвалась спутница подполковника.

– Он – солдат, – улыбнулся отец. – Хотя и в звании инженер-капитана.

– Моя супруга Софья Георгиевна, – запоздало представил

супругу Журфиксов.

Отец снял полотняную фуражку, подошел к Софье Георгиевне и, склонившись, вежливо поцеловал руку. Он когда-то был поручиком и целовать дамам ручки умел.

Пока я накрывал на стол на большой веранде, отец принимал гостей на веранде малой. Он любил гостей, умел с ними общаться, не навязывая собственного мнения, а уж о том, как он угощал даже нашей, весьма скудной закуской, можно себе только представить. Отец всегда оставался самим собою, что давало гостям возможность чувствовать себя свободно, и все складывалось как нельзя лучше.

За столом и разговор, естественно, шел застольный. Я в него не вслушивался, подавая и убирая тарелки, но кое-что все же вклинилось в мою память.

— ...войну, с моей точки зрения, выиграл сержантский состав. Я пришел на фронт семнадцатилетним деревенским парнишкой, и если бы они меня не научили солдатской науке выживать, я бы... Ну, не знаю, может, как-то и уцелел бы... Мечтаю об этом записки написать, когда в отставку выйду...

Это говорил подполковник Журфиксов. И с той поры мы больше его никогда не видели. Отец специально узнавал в поселковом Совете, что участок именно ему был выделен, но ни он, ни его жена больше у нас не появлялись.

Правда, вскоре подполковник своего адъютанта прислал. С запиской, что его часть срочно передислоцируют.

Много прошло времени, но от Журфиксова не было ни

слуху ни духу. Прошла борьба с космополитами, с врачами-отравителями, еще с кем-то или с чем-то. Так уж мы созданы, что без борьбы существовать не умеем. Борьба эта в могилу моего отца свела, потому что он уж слишком негодовал по поводу «отравителей в белых халатах», именуя это не иначе, как провокацией. Потом Сталин помер, кукурузу всей страной весело сажали. Я уж и сам до подполковника дослужился, начал писать повести и рассказы, которые издательства печатали с удовольствием. И тут чеченская война началась. Я на какую-то, помню, конференцию попал, и на ней вдруг прозвучала колючая фамилия. Журфиксов...

2

– Журфиксов...

Эта фамилия прошелестела в воздухе. Никто вроде бы ее не произносил, не было не то что шепота – воздух не вздрогнул. Но сказано это было для меня, для моих ушей. И я не услышал, я – уловил.

А кругом сидели плечистые ребята в одинаковых спортивных костюмах, с одинаково бесстрастными лицами и отсутствующим выражением глаз.

Но – по порядку. Меня пригласили на встречу в некий закрытый дом отдыха. Побывавшие на заданиях парни (пресса любит употреблять выражение «в горячих точках») приходили здесь в форму, отдыхали не только телом, но и душой,

и я был приглашен как раз для роздыха их душ. Со мною созвонились, я дал согласие, и меня провезли сквозь все «кирпичи» и милицейские посты в тишину и покой старого, чудом уцелевшего подмосковного бора.

Встреча состоялась в небольшом кинозале. Я рассказывал о своей работе, о новостях в кино и театрах, смешил добродушную публику актерскими анекдотами, отвечал на многочисленные вопросы. Потом гостеприимные хозяева пригласили меня немного «расслабиться и отужинать».

Стол ломился от закусок, водка текла рекой, но я помалкивал, понимая, что в профессионально любознательном обществе неуместно личное любопытство. Однако после определенного количества добрых тостов утратил опасливый контроль и с максимальной наивностью спросил на весь стол:

– По Москве бродят слухи, будто какой-то удивительный снайпер в Чечне объявился. Бьет в полтинник чуть ли не с трехсот метров...

Обычный пиршественный гул мгновенно стих. Даже ножи с вилками перестали стучать по тарелкам. А сидевший рядом со мной командир этих спецов благожелательно улыбнулся:

– Слухи – они и есть слухи. Попробуйте балычок.

– Благодарю вас.

Я попробовал и примолк. Стол опять зажурчал дружескими разговорами, даже кое-где смешки появились. А спустя

некоторое время до меня явственно донеслось:

– Журфиксов...

Я никак не отреагировал. Наоборот, попросил право на то, встал, сказал что-то смешное из обычного застольного репертуара. Все рассмеялись, возникшее после моего бестактного вопроса напряжение исчезло, стол дружелюбно зашумел. И я шумел, смеялся, что-то кому-то отвечал, а в голове вертелось: «Журфиксов»... Очень редкая фамилия. Она словно вонзилась в меня, потому что я ее знал. Знал, и ошибки здесь быть не могло.

Повторяю, фамилия уж очень редкая. И необычная, в память врезается. Как осколок.

3

А вскоре я увидел ее напечатанной на толстом конверте бандероли без обратного адреса. В бандероли оказались записки подполковника Журфиксова с припиской в несколько строк женской рукой:

«Если вы тот самый юноша, который когда-то преподнес мне букет, а теперь стал известным писателем, то я не ошиблась. Муж просил именно вам отправить его дневник. Выполняю его последнюю волю. Софья Журфиксова».

Это был странный дневник. Он, не предназначенный для посторонних глаз, был написан совершенно произвольно. В

нем, к примеру, естественное авторское отношение к событиям весьма часто заменялось взглядом со стороны, когда автор вдруг выступал от третьего лица, называя себя то Журфиксовым, то лейтенантом, то командиром батальона, а потом неожиданно вновь переходил к личному местоимению «я». Это была какая-то внежанровая помесь дневника с повестью, и предварялась она личной запиской партийному собранию:

«Служебная записка.

Докладываю, что моя фамилия “Журфиксов” не придумана мною для сокрытия настоящей фамилии, а является таковой. Так велели прозываться жителям половины деревни Пронькино Рязанской губернии самодуры-помещики».

И – подпись. А дальше начиналось то, что он назвал «Дневником». Но я переименую это его название в соответствии с содержанием и разобью на две части.

Итак...

Отец

1

«Я родился в рубашке, как на Руси говорили. Не только потому, что в войне уцелел, хотя и там тоже, но в основном – потом. Рубашка моя потом сказалась.

Родился я в двадцать восьмом году, а год себе приписал, потому что в училища брали только с восемнадцати. А я в семнадцать школу закончил – у нас в селе своя школа была, село большое – и решил во что бы то ни стало успеть повоевать. Ну, прямо позарез мне тогда война эта потребовалась. Подумал, подумал, да и пошел к председателю нашего колхоза. Он двоих сынов потерял, и я считал, что мое желание он оценит. Тем более что родственниками мы были, хоть и дальними, ну а на селе даже дальний родственник ближе близкого соседа.

Показал я ему аттестат и медаль, которую получил за окончание школы. Он молча все осмотрел, кивнул головой. Не до разговоров ему тогда было.

– Мне справка нужна, дядя Семен.

– Какая справка?

– Что я метрику утерю.

– Тогда штраф с тебя, а не справка.

– А я ее и не терял, – сказал я и достал ту самую метрику, то бишь свидетельство о рождении. – Только здесь указано, что я родился в двадцать восьмом году, а ты выдай мне справку, что в двадцать шестом.

– С обману жизнь начинаешь?

– В пехотное училище без такого обману не попадешь, дядя Семен. А я на войну должен поспеть.

Он молчал и вертел бумажные корочки. Даже не открывал их: просто вертел. То ли думал, то ли сынов своих вспоминал. А руки дрожали. И я уставился в стол от этих рук и сказал:

– Мне за двоюродных братанов посчитаться надо. Доверь, дядя Семен. Очень, очень прошу тебя.

Он помолчал, потом достал тетрадную четвертинку в клеточку, ткнул 86-м пером в чернильницу и написал, что года я 26-го, а свидетельство о рождении у меня украли. Встал, обошел канцелярский свой стол, подал справку. А потом вдруг обнял меня и заплакал.

Меня без вопросов приняли в пехотное училище по липовой справке об утере документов. Экзамены я сдал первым номером, как когда-то говорили в России, да и экзамены пустяшные – диктант да две задачки по геометрии. Убыль была среди пехотных офицеров такая, что на все приходилось глаза закрывать. Это, конечно, сказалось, но – потом, позже, а тогда выхода не было.

И в училище я шел первым, а потому получил право выбора фронта – была такая форма поощрения. И я попросился к Рокоссовскому, потому что и сейчас считаю его лучшим нашим полководцем. Однако у нас не по делам судят, а по биографии, а единственный в мире дважды маршал и тюремной баланды похлебал, и кайлом помахал, да еще польский шляхтич к тому же. Но это – примечание к сути. Мне повезло, что я к нему попал, очень повезло. Это ступенькой к моему великому счастью оказалось, но ничего, конечно, я об этом тогда не знал и думать не думал, и мечтать не мечтал.

Прибыл я на фронт в первых числах марта сорок пятого на должность командира взвода автоматчиков. Правда, тогда от взвода оставалось что-то около дюжины, но бойцы были обстрелянными. А уж сержанты – их трое в той дюжине уцелело – в полных солдатских иконостасах. А у меня даже пушок над верхней губой до сих пор не прорисовался, к большой моей досаде. Ну, потому и встретили меня соответственно:

– Ты, младшой, в окопе сидеть будешь. Сидеть и не высываться, пока усы не отрастут.

Кто знает, может, так бы оно и случилось, так бы и просидел бы я всю свою войну в блиндаже под опекой насмешливых сержантов. Кто знает, в какой момент решаются наши судьбы?.. И, главное, кто их решает...

– Я тут до тебя твою должность исполнял, – сказал старший сержант. – Завтра я тебе все сдам, но сегодня вечером ты – наш гость. Валеркой меня зовут.

– Меня – Павлом.

– Ты не подумай, это – никакое не панибратство. Это такая необходимость в конкретных условиях. Ну не станешь же кричать в бою: “Товарищ гвардии младший лейтенант, танки слева!..” Пока титул проорешь, тебя дважды гусеницы перепашут. Так что ты не обижайся. Специфика.

Меня усадили на почетное место в сухой и теплой взводной землянке, и Валерий представлял мне по очереди всю уцелевшую дюжину с кусочком – всех моих четырнадцать подчиненных. Трех сержантов да одиннадцать солдат.

– Андрей, Иван, Ахмет...

– А почему три сержанта на полувзвод?

Спросил я исключительно из-за сладкого ощущения звездочки на погонах. Первая звездочка, не важно какая – первая маленькая, первая большая или первая генеральская, – всегда очень уж на тщеславие давит, пока не обносится. Потом все у меня внутри обносилось, и я больше подобных идиотских вопросов на дружеских пьянках не задавал.

– Ну я же твою должность исполнял, – усмехнулся Валерий. – Минус я – и все пребывает в норме. Как там насчет этого в уставе говорится?

Примолк я. И только глупость сморозив, понял, для чего Валерка весь полувзвод собрал. Чтобы мне фронтovou науку преподать. Не тактику, не связь, не уставы, а ту, что солдатскую жизнь в окопах способна уберечь.

– Запалы к гранатам получил? – спрашивал меня угрю-

мый ефрейтор с двумя золотыми нашивками на мятой гимнастерке. – Получил, знаю, всем дают. А куда захова- л?

– Тут, – я похлопал по нагрудному карману.

– Ну а если осколок или, не дай бог, пуля? Они же сдето- нируют, и – полный привет. Их на заднице носить надо, там если и вырвет кусок, то сам живой останешься. Держи мой кисетик. Запалы – в него, и – только на заднице.

– Спасибо...

– Ладно. Пункт два. При отражении атаки вставь все запалы и положи гранаты в окопную нишу. Снаряжать их некогда будет, а у тебя – под рукой. А коли сам идешь в атаку, то не снаряжай, сам же и подорваться можешь. А коли надо грана- тами, то уподи и снаряжай их лежа. И все снаряженные обя- зательно бросай. Не экономь, в атаке все может случиться.

– Спасибо.

– Ладно. Переходим к пункту номер три. В атаке никогда до последнего патрона автоматный диск не достреливай. В диске при последних патронах – ну, там, семь-десять – скре- жет появляется. Ты его быстренько слышать научишься. Как услышишь, сразу палец с гашетки снимай. Это твое НЗ, чтоб с немцем в рукопашную не пришлось сходитьсь.

– А что?

– А то, что его с детства не одной картошечкой с капусткой кормили.

А в другое ухо мне Ахмет журчал:

– Хлебец, который про запас, – в чистую тряпицу, обяза-

тельно волгую. А тряпицу обернешь травой. Лучше всего лопух подходит, но коли нет его, и другая сгодится. Только появляй травку сначала. А то свежая, она всю хлебную душу на себя вытянет.

Ну, потом выпили, хлебом закусили, шумок пошел. И под этот шумок ко мне Валерий подсел.

– Ты о третьем сержанте спрашивал, который нам не по уставу. Так из госпиталя он, миной контуженный. Три дня как к нам вернулся. Он немца голыми руками в рукопашной задушил и малость сдвинулся.

– Как – сдвинулся?

– Смерти ищет. Пропал в нем страх. А мужик – что надо, я с ним три месяца на передовой бок о бок. В одной нише спали, одна шинелька – под нами, другую – на двоих сверху. Пропадет он в другой роте. Под пулю подставится.

А под конец Валера сказал тост. До сей поры его помню слово в слово.

– Желаю тебе, Паша, командир наш, чтобы ты ни одного немца в рукопашной не убил. Пуля – дура, за нее ты не в ответе, а когда глаза в глаза – тут совесть твоя такую контузию получает, какой тебе по гроб жизни хватит да еще и на внуков останется. Поэтому очень прошу тебя, командир, за нами в атаку идти. Мы тут уже все этим переконтуженные, одним фрицем больше, одним меньше – роли для нас не играет. А ты себя сберечь должен на последнем нашем победном пути.

Хорошие он сказал слова, правильные очень, да только кто же своей судьбой на фронте распоряжается? Да кто угодно распоряжается, только не солдаты.

Моя судьба решилась на следующий день, я со своим взводом толком и познакомиться-то еще не успел. Совсем в других обстоятельствах знакомиться пришлось, только не с кем потом знакомиться оказалось.

Уже на следующий день меня вызывает вдруг сам командир полка. К нему меня вез на «виллисе» лично наш комбат, и всю дорогу искренне удивлялся:

– По благу, что ли, в конце войны пристроили? Ну, не темни, все бывает.

– Да я его и в глаза не видал, – говорю. – Сам только что во взвод заявился.

Командир полка – в годах уже, как и положено – встретил меня вздохом.

– Когда прибыл?

– Вчера, товарищ полковник!

– Ну, стало быть, судьба. Командующий замыслил операцию, но тебе до нее никакого дела... Твоя задача... Ты в картах-то разбираешься?

– Так точно, товарищ полковник!

– Не ори, – и карту развернул: – Видишь дефиле?.. Ну, проход, лощинка меж холмами! Здесь – дорога. Местная, булыжная, узкая и кривая, а мостик – вот он, видишь? – разве что легкий танк удержит. Но ты его все же на всякий случай

рвани, я тебе саперов придам. Все понял?

– Мост взорвать?

– Немцев не пустить, чтобы они нам во фланг не вышли! Займешь высоту триста восемнадцать и семь и будешь держать. Крепко держать!

– У меня во взводе...

– Знаю. Укомплектуем, усилим, я тебе лучших мастеров своих отдам. Один из них – снайпер-бронебойщик, то ли якут, то ли казах. Парень – золото. И дело свое знает. А твое дело – четыре часа нам выиграть.

Потоптался, повздыхал. Сказал вдруг тихо:

– На войне у каждого – своя доля. Но я очень, очень тебя прошу, сынок. Очень. И командующий просит. Четыре часа всего, пол рабочего дня. Сделаешь, сынок?

Как он меня просил, так я ему и ответил:

– Сделаю, Батя.

Обнял он меня, всхлипнул даже. Или так мне тогда показалось? Наверно, показалось, потому что я собственный всхлип с трудом в груди сдерживал.

Быстро все завертелось настолько, что к утру мы уже окапывались на высоте триста восемнадцать и семь, а двое саперов мост минировали. Только ничего у них не получилось, торопились, что ли?.. Рвануть рванули, да мостик только похилился и стоит, как стоял. А противник – вот он, глазами видно.

До сей поры мне тот, первый мой бой снится. То ли пото-

му, что первый, то ли потому, что второго такого не видал, а случись он, так, пожалуй, и не выдержал бы.

Из всего того боя только минут двадцать помню, от силы – полчаса. Все слилось в сплошной грохот, рев моторов, треск автоматных да пулеметных очередей. Так что и огня не по-видав, я сразу в полымя окунулся.

Из-за высоты перед речкой на нас выдвинулись три «пантеры». Они шли клином, с немецкой точностью выдерживая интервалы и равнение. Еще ничего за ними и не показалось, как Валерка шепнул мне:

– Замереть так, будто уж на том свете.

И пополз к снайперу-бронбойщику. Я солдат уложил на дно окопчиков, которые мы отрыть успели, а сам в пулеметную ячейку перебрался. Оттуда и за боем следить было удобно, и Валерку с этим мастером-бронбойщиком слышал.

– По гляделкам им бей. Сможешь?

– Заблестят, так смогу. Солнце-то нам хорошо в спину светит почему-то.

– Триплекс от удара мутнеет. Точно влепишь, водитель сразу из люка высунется. Под мою пулю.

Вот как замерли, лишившись водителей, две «пантеры», я еще помнил. А потом немцы открыли по нашим щелям такой огонь, что всю память мне отшибло.

Держали мы ту высоту четыре часа пятнадцать минут, пока помощь не подошла. В живых нас двое осталось – я да старший сержант, фамилию которого я так и не успел спро-

силь. Все – Валерка да Валерка...

Кто нам на подмогу пришел, как они выглядели и как мы выглядели – ничего не помню. Уцелевших – это, стало быть, меня с Валеркой – в медсанбат отправили, я проспал там часов четырнадцать, не меньше, и – целехонький! – в свою часть прибыл. Мол, ваше приказание выполнено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.